

тельность власти и слабость государства сводят на нет экономические и другие реформы»². И еще: «Долгое время мы выбирали: опереться на чужие советы, помощь и кредиты или — развиваться с опорой на нашу самобытность, на собственные силы. Перед подобным выбором стояли очень многие страны. Если Россия останется слабой, то нам действительно придется делать такой выбор. И это будет выбор слабого государства. Это будет выбор слабого. Единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. Сильной и уверенной в себе. Сильной — не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними»³. Спустя полгода в Послании Федеральному Собранию в апреле 2001 года Владимир Путин подчеркнул, что сегодня стратегической задачей является «укрепление государства в лице всех институтов и всех уровней власти», и для этого необходимо, прежде всего, «выстроить четко работающую исполнительную вертикаль...»⁴.

Сегодня очевидно, что отсутствие объединяющих государство идейных скреп, а также активно работающих промежуточных структур и ассоциаций накладывает на государство особую ответственность — быть осторожным инициатором и вдохновителем новых «опытов» и отношений в стране. Все это свидетельствует о том, что пришло время нового всестороннего осмысления феномена государственности.

Смена социального строя в России требует тщательно-го и всестороннего анализа государства, ибо общепризнанным остается утверждение о том, что оно есть важнейший властный институт любого общества и сильный игрок на любом политическом поле. О том, что проблемы власти, авторитета и господства, а следовательно, государства — центральные проблемы политической науки и философии, свидетельствует то, что они всегда находились в центре внимания политической мысли китайской, индийской, иудео-христианской и исламской цивилизаций.

Однако в российской общественной науке и литературе последних лет тема государства и государственности была непопулярной. Если она и затрагивалась, то это делалось либо в контексте отождествления всех видов этатизма с тоталитаризмом, либо в качестве контрастной проблематики к анархистским и либеральным теориям.

Сегодня, после десятилетнего погружения в нестесненную никакими правилами рыночную стихию, мы вновь возвращаемся к идее необходимости сочетания порядка и прогресса и к реабилитации идеи государственности. В связи с этим возникает потребность осмысления научной категории сильного государства. Надо признать, что в последние годы в российском исследовательском сообществе тема эта является если не запретной, то весьма неудобной для имиджа ученого. Это происходит оттого, что понимание сильного государства слишком близко стоит к таким категориям, как империя, милитаризм, тоталитаризм.

В реальности, однако, смешение концепта сильного государства с вышеперечисленным понятийным рядом есть ни что иное, как наследие чрезмерной идеологизации социологического мышления. Свидетельством тому является, в частности, зарубежный политологический анализ последней трети XX века, в котором имеет место широкое научное обсуждение проблемы исторической обусловленности существования и развития конкретных стран и народов с традиционной для них структурой властвования государственного масштаба. Проблема сохранения и эффективного использования, а не ломки сложившихся веками структурных характеристик власти, в том числе структуры сильного государства, для успешной модернизации общества — центральная проблема множества трудов современных европейских ученых.

Отношение к государству, как со стороны исследователей, так и со стороны простых граждан, всегда представляло собой сложную смесь чувства восхищения и страха, что вызвало к жизни многочисленные метафоры, восходящие

некогда к цельным и мощным мифологическим образам Левиафана и Молоха. Ныне же, в постмодернистскую эпоху, на основе столь милого ее логике парадокса, создается образ государства как «филантропического людоеда», по емкому выражению мексиканского поэта Октавио Паса. Это сравнение, как считает главный редактор одного из крупнейших научных изданий Франции «Международного журнала социальных наук», работающего под эгидой ЮНЕСКО, Али Казансжила, замечательно передает те противоречивые чувства, которые вызывает современное государство, являющееся одновременно институтом господства с тоталитарным оттенком и сущностью, обеспечивающей патерналистскую защиту и урегулирование отношений в обществе.

Возрастание интереса к исследованию государства ставит очень важную и актуальную не только для западной, но прежде всего для сегодняшней российской науки и политической практики задачу разделения двух аспектов воззрения на государство: рационально-аналитического и морально-оценочного. Длительное акцентирование внимания ученых на тоталитарных аспектах деятельности государства в XX веке привело к парадоксальной ситуации, когда среди исследователей было чуть ли не делом чести присягать на верность антиэтатизму из боязни быть обвиненными в государствомании. (В западных исследованиях даже появился термин «государствоатрия» по аналогии с психиатрией.)

Положение российской науки в этом отношении особое. Нынешний отказ от марксистской парадигмы исследования государства вовсе не должен означать отказ от государства. Действительно, методологическая цельность анализа и законченность формулировок в марксистско-ленинской теории классового государства оставляли мало места для творческого развития концепции государства в советский период российской истории. Этим отчасти можно объяснить невнимание современного научного сообщества к данной проблеме.

Отказ от марксистской традиции и обращение к новой интерпретации государства вновь ставит перед политической наукой, в том числе российской, весь комплекс нерешенных философских вопросов, связанных с понятием государства: почему государство существует? Почему ему подчиняются? Насколько государство сопричастно обществу или же оно, напротив, является институтом, находящимся вне общества, автономным по отношению к нему и стоящему над ним? Что означает эта автономия и каковы в таком случае отношения между государством и социальными классами? Каковы формы и пределы его вмешательства в социальные процессы?

Данная работа не ставит целью ответить на все эти вопросы, да это и невозможно в рамках одной монографии и после столь длительного периода полного игнорирования российской политической наукой этатистской проблематики. Современная мировая наука формулирует императивное требование освободить рациональное исследование предмета государства от излишней идеологизации. Стремясь ответить на это требование, авторы исходят из того, что процесс экономических и политических изменений в обществе предполагает наличие определенной концепции государственности, которая способна на прочном культурно-историческом фундаменте соединить воедино экономику и политику, социальные и организационные формы. Отсутствие такой концепции приводит к хаотичности и произвольности при осуществлении преобразований, толкает на путь примитивного подражательства, поверхностного заимствования чужих образцов и стандартов. Это неизбежно ведет к возникновению серьезных диспропорций в экономике, обострению национальных, социальных и других проблем, росту внутренней напряженности.

Важной предпосылкой для преодоления разрушительных процессов является возрастание авторитета государства, ибо государство цементирует, держит совместную социальную жизнь, которая без него распадается. Государ-

ство, как заметил Н.Бердяев, существует не для создания на земле рая, а для того, чтобы не дать ей превратиться в ад. Поэтому современные споры о государстве и его роли в обществе, актуальные для всего мира, особенно острыми становятся в кризисные эпохи развития общества, когда главный счет за неудачи этого развития предъявляется именно государству.

Задача укрепления государственности вытекает не только из опыта прошлого, она навязывается нам и самым ближайшим будущим, чреватая многими серьезными опасностями, проистекающими из разрушения социального и государственного организма, которое провоцирует политическую нестабильность, разгул местных своеволий и вытекающие отсюда неизбежные поползновения со стороны отдельных групп к установлению деспотической власти. Кроме того, для нашего существования представляет несомненную опасность и экспансия извне, пусть даже с самыми благими целями — вывести нас на столбовую дорожку мирового развития, — но реализуемая в отсутствии необходимого опыта межкультурного общения, детального знакомства с социально-экономической и политической реальностью нашей страны и игнорирования самобытности нашего народа и его истории.

Необходимость в новой концепции государственности обусловлена изменением социального, государственного и геополитического профиля России. Она вытекает также из задачи сохранения идентичности российской цивилизации, т.е. особенностей менталитета, характера и разнообразных сторон жизни народа в соответствии с его культурно-историческими основаниями.

Создание концепции государственности не означает намерения давать готовые планы и модели государственного строительства, ибо, чтобы соответствовать требованиям современности, концепция государственности должна быть открытой, развивающейся, очищенной от бремени догм, склеротизированных форм, следование которым ведет к

нарушению естественной логики развития, к трагическому отставанию от постоянно изменяющейся действительности. Поэтому она должна по-новому обосновывать старые темы в соответствии с духом времени, характером исторического вызова.

В основе новой концепции государственности видится комплексное переосмысление не только российского, но и мирового опыта, а также накопленного человечеством идейного потенциала, которые могут дать наиболее адекватное и объективное понимание действительности, а значит, способствовать совершенствованию жизненной среды и формированию соответствующих убеждений. Она должна быть ориентирована на сотрудничество различных социальных групп в деле укрепления и дальнейшего развития государственно устроенного общества.

Концепцию новой российской государственности только предстоит создать, но некоторые ее основополагающие принципы можно назвать в качестве необходимых ориентиров для осуществления такой работы, для выбора приоритетов.

ГЛАВА I

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Усиление роли государства в современном мире

Институт государства находится сегодня в центре всеобщего внимания всюду в мире. Ведущей тенденцией современности стало усиление роли государства и государственного регулирования во всех областях жизни. В опубликованном в 2000 г. докладе МВФ «Обзор мировой экономики»⁵ отмечается, что свидетельством значительного усиления роли государства в индустриальных и развивающихся странах в XX столетии является повышение доли государственных расходов и доходов в ВВП. Эксперты подчеркивают возрастающее значение регулирующих мероприятий правительства, прежде всего направленных на преодоление кризисных явлений в экономике. Данное явление обусловлено тем обстоятельством, что государство взяло на себя решение совершенно новых задач, которые ранее находились вне сферы его внимания — это различные формы социального обеспечения, требующие перераспределения доходов, а также инвестиции в экономическое развитие и организацию образования (особенно высшего). Однако, отмечается в докладе, «степень государственного вмешательства должна отражать национальные традиции и предпочтения: оптимальная степень социального обеспечения и перераспределения доходов определяется в основном морально-этическими факторами и не может устанавливаться исходя из канонов позитивной экономической политики»⁶.

Несколько ранее, в 1997 г., в этом же контексте прозвучало и выступление руководителя другого важного финансового института. Во вступительном слове Президента Всемирного банка Д. Вульфенсона говорилось, что для повышения благосостояния людей нужно наращивать потенциал государства, определяемый как способность эффективно проводить и пропагандировать коллективные мероприятия. Отмечалось, что «примеры «чуда» экономического роста стран Восточной Азии это свидетельство того, что развитие нуждается в эффективном государстве, играющем роль катализатора и помощника»⁷.

Большое внимание анализу роли государства в условиях рыночной экономики уделили в ноябре 1999 г. во Франции участники международной конференции на тему «Вступление в новый век»⁸. В ней приняли участие более полутора тысяч исследователей, политических и общественных деятелей многих стран. Лейтмотивом выступлений была мысль о том, что «вместо проблемы «больше или меньше государства» следует обсуждать вопрос о «лучшем государстве», т.е. об оптимальном сочетании логики регулирования и логики либерализации»⁹. И в связи с этим подчеркивалось, что «страны, вступившие на путь «дикой» либерализации (в том числе Россия), должны восстановить правила регулирования, особенно движения капитала, и принять меры по борьбе с коррупцией»¹⁰. В качестве немедленных действий в этом направлении приводился пример политики короля Марокко Мохамеда IV, который считает базовым принципом организации общества солидарность. На этой основе «король бедных» отказался от иностранной помощи, а в стране стала проводиться политика государственного регулирования экономики, направленная на ограничение неравенства»¹¹.

Ознакомление с современной западноевропейской литературой позволяет сделать вывод, что большинство исследователей Франции, Италии, Нидерландов и Бельгии, не говоря уж о Швеции и Дании, — стран с традиционно

сильными социал-демократическими традициями, — рассматривают государство как активного «социального организатора», «покровителя» и «регулятора экономики». Эксперты ООН делают однозначный вывод о том, что уровень и качество жизни людей зависит не от «валовых» доходов государства, а от способов распределения национального богатства в интересах большинства населения. Подобные выводы не может проигнорировать ни одно ответственное правительство.

Соответственно приватизация в любой западной стране рассматривается лишь в качестве одного из элементов экономической политики, при этом всегда подразумевается возможность проведения обратного процесса — реприватизации или национализации. Для Запада это обычное явление. Выбор того или иного элемента определяется соображениями повышения эффективности использования государственной собственности, в зависимости от складывающихся условий, и не более того. Как в западной, так и во всей мировой экономической практике последних двух десятилетий можно найти примеры того, как государства временно приостанавливали ход приватизации, руководствуясь соображениями здравого смысла.

Подобная стратегия активно используется в экономической жизни не только скандинавских или латиноговорящих государств Европы, но и США и Великобритании, которым свойственна большая приверженность либеральным и неолиберальным подходам к проведению экономической политики, получившим в 80-е годы наименование соответственно «рейганомики» и «тэтчеризма». В реальной действительности даже в этих странах государство никогда не выпускало из своих рук контроля за движением национальной собственности и особенно за источниками ее пополнения. Достаточно вспомнить характеристику, данную известным американским экономистом лауреатом Нобелевской премии П.Самуэльсоном правительству США как «самому крупному предприятию в мире». А известный аме-

риканский историк А. Шлезингер прямо называет «мифом» бытующее кое-где мнение о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства.

Современные исследования в целом подтверждают «закон Вагнера», сформулированный в конце XIX века немецким экономистом консервативного толка Адольфом Вагнером, указавшем на прочную связь между расцветом капитализма, индустриальным развитием и ростом значения государства. Несмотря на некоторые расхождения в степени и формах государственной интервенции от страны к стране, необходимость, важность и уместность такого вмешательства не оспаривается нигде. Напротив, все возрастающая роль государства соответствует «жесткой» исторической тенденции всех ведущих политических и экономических мировых процессов¹².

Несмотря на приверженность либеральной риторике политического дискурса о государстве в большинстве западных стран, и особенно в США, реальность политического действия в них исторически значительно отклоняется от теорий «минимального государства» и «невидимой руки» самоорганизующегося экономического и политического пространства. Современная динамика политических процессов не только не умаляет, но, напротив, подчеркивает усиление значения государства в обществе. В доказательство приводятся статистические данные о росте доли государственных расходов в национальном доходе, о контроле государства над экономикой, об увеличении числа общественных организаций, численности государственных служащих и т.п. Самым знаменательным среди выводов из этих данных является заключение о том, что все эти явления получили широкое распространение даже в такой «антиэтатистской» (в политической риторике) стране, как США. Так государственные расходы при администрации Рейгана за период 1981—83 годов выросли в процентном отношении к национальному доходу с 27,8% до 31,6%. Более того, фран-